

Платонизм в русской философии

Елена Алымова, Светлана Караваева

Об одном переводе «Поэтики» Аристотеля:
Н.Г. Чернышевский как литературный критик*

ELENA ALYMOMA, SVETLANA KARAVAEVA
ON A TRANSLATION OF ARISTOTLE'S *POETICS*:
NIKOLAY CHERNYSHEVSKY AS A LITERARY CRITIC

ABSTRACT. The article deals with a critical essay by Nikolay Chernyshevsky concerning the publication of the first attempt to translate Aristotle's *Poetics* into Russian made by Boris Ordynsky, which was published in 1854. The work under discussion is a genuine translation only to some extent: only the first 18 chapters were rendered into Russian, while the remainder were paraphrased. Granted, Nikolay Chernyshevsky, the author of the critical essay, used this translation as a pretext to develop his own point of view on esthetics as a philosophical discipline. He confronts Aristotle and Plato, draws into consideration the nature of esthetics as such, asks whether it can be regarded as a science. Even though the horizons of his criticism are limited by the ideas of his epoch, they might be extended if considered in the context of modern theories which makes it possible to read the interpretation of Aristotle's *Poetics* by Chernyshevsky within the framework of the modern critical discourse. The polemical exchange between Chernyshevsky and Ordynsky is incorporated into the article.

KEYWORDS: Nikolay Chernyshevsky, Boris Ordynsky, Aristotle, Translations of Aristotle's *Poetics* into Russian.

© Е.В. Алымова (Санкт-Петербург). ealymova@yandex.ru. Санкт-Петербургский государственный университет; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского.

© С.В. Караваева (Санкт-Петербург). ksv.karavaeva@gmail.com. Северо-западный государственный медицинский университет им. И.И. Мечникова; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского.

Платоновские исследования / Platonic Investigations 24.1 (2026)

DOI: 10.25985/PI.24.1.13

* Исследование выполнено в Русской христианской гуманитарной академии им. Ф.М. Достоевского за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01107, <https://rscf.ru/project/24-28-01107/>.

Утверждение «судьба Аристотеля в России трудна» правдиво и, более того, представляет собой общее место, с которым нужно смириться (признав это), и двигаться дальше. Пусть незаслуженно поздно, Аристотель проникает в отечественную культуру. Не мог не проникнуть. Проникновение связано с рецепцией и последующей адаптацией в культуре, естественный путь для этого — перевод. В нашей статье речь пойдет о переводе «Поэтики» Аристотеля на русский язык — первом по сути полноценном переводе¹, причем сочинения, на первый взгляд, менее всего ангажированного философски в привычном смысле этого слова: в тексте «Поэтики» мы не найдем рассуждений о сущем и сущности, разве что — о сущности трагедии, представленной в ее определении (1449b24–28). Кажущаяся маргинальность этого сочинения Стагирита по отношению к тому, что признается квинтэссенцией его философии, не должна вводить в заблуждение его читателя: «Поэтика» Аристотеля² может быть полноценно прочитана и понята только в контексте его философии в целом.

В нашем тексте анализируется прочтение «Поэтики» Аристотеля Н.Г. Чернышевским, представленное в его критической статье «О поэзии. Сочинение Аристотеля. Перевел, изложил и объяснил Б. Ордынский. Москва, 1854», что представляет интерес по крайней мере в двух отношениях: во-первых, как отзыв на первый русский перевод этого аристотелевского сочинения; во-вторых — как свидетельство философской (эстетической) позиции Чернышевского-теоретика, автора диссертации «Эстетические отношения искусства к действительности».

В 1853 году Чернышевский подает прошение о том, чтобы быть допущенным к экзаменам на степень магистра, что предполагало защиту диссертации, и приступает к ее написанию. Замысел изложен в одном из писем: «Диссертацию свою пишу об эстети-

¹ О переводах «Поэтики» Аристотеля на русский язык см. статьи Ю.А. Ниловой (Нилова 2021 и 2023).

² Перевод названия вызывал дискуссии теоретического характера; для нашего контекста достаточно отметить объяснения Б.И. Ордынского, которыми он снабдил свой труд.

ке. Если она пройдет через университет в настоящем своем виде, то будет оригинальна, между прочим, в том отношении, что в ней не будет ни одной цитаты, а всего только одна ссылка³. Таким образом, Чернышевский предполагает представить на защиту по сути трактат, содержание которого — декларация и обоснование собственной теоретической позиции, а не «ученическое» сочинение, свидетельствующее об академической компетентности его автора. Текст был принят к защите, которая состоялась в мае 1855 года. Мы приводим хронологию, поскольку свой отзыв на перевод «Поэтики» Аристотеля, осуществленный Б.И. Ордынским, Чернышевский опубликовал в журнале «Отечественные записки» в 1854⁴, то есть во время работы над текстом диссертации. Стало быть, статья, посвященная аристотелевскому сочинению, явилась своего рода апробацией основных положений диссертации. Содержание статьи со всей очевидностью демонстрирует, что текст «Поэтики» Аристотеля для Чернышевского — лишь повод обсудить современное ему состояние эстетики, которую он в диссертации намеревается обосновать как науку по образцу наук позитивных, прежде всего — естественных, что было модно в середине XIX века.

Итак, в 1854 году Борис Иванович Ордынский (1823–1861) опубликовал свой перевод «Поэтики» Аристотеля, снабдив его комментариями⁵. Перевел он, правда, трактат Стагирита не целиком, но только первые 18 глав, остальные (19–26) пересказал. Перевод охватывает те части аристотелевского сочинения (1447a8–1456a25), в которых подчеркивается миметическая природа поэзии, перечисляются средства и способы подражания, представляется генезис поэтических форм, наилучшей из которых является трагедия, дается определение трагедии, что составляет сюжетный центр этого сочинения (по крайней мере, той ее части, которая сохрани-

³ Чернышевский 1949с: 242.

⁴ Чернышевский 1854.

⁵ Ордынский 1854.

лась⁶), рассматриваются части трагедии, а кроме того, описываются приемы достижения трагического эффекта (катарсиса)⁷ и, наконец, обсуждается роль хора. В область пересказа «ушли» части, посвященные речи и мысли, а также изложению общих соображений относительно эпоса и трагедии. Несмотря на то, что Ордынский перевел лишь часть (хотя и большую) «Поэтики», его труд — важное событие в истории рецепции философии Аристотеля в отечественной культуре, поскольку явился первым переводом этого сочинения на русский язык, выполненным с языка оригинала и снабженным комментариями. Перевод Ордынского — не просто перевод, но и научное исследование: в основу издания положена магистерская диссертация автора, в которой рассматриваются проблемы критики текста, история изданий и переводов «Поэтики», трудности адаптации греческого текста к реалиям русского языка — извечная проблема переводчиков.

Итак, Чернышевский столкнулся с этим изданием в период работы над собственной диссертацией, целью которой он видел обоснование эстетики как науки. «Г. Ордынский, — начинает свое эссе Чернышевский, — заслуживает полного одобрения и благодарности за то, что предметом своего рассуждения избрал *Поэтику* Аристотеля: это первый и капитальнейший трактат об эстетике, служивший основанием всех эстетических понятий до самого конца прошедшего века»⁸. Признав значительность самого факта появления перевода «Поэтики» на русском языке, Чернышевский всё же задается вопросом: «Но точно ли его выбор удачен?»⁹

Замечания, высказанные Чернышевским в адрес Ордынского, вызвали ответную реакцию последнего: в журнале «Москвитя-

⁶ Предположительно «Поэтика» сохранилась частично: утрачены части, посвященные комедии.

⁷ Это не превращает «Поэтику» Аристотеля в учебник, содержащий предписания для развития и совершенствования поэтических навыков. Этому вопросу коснемся ниже в связи с дискуссиями вокруг адекватной передачи названия сочинения Аристотеля.

⁸ Чернышевский 1949а: 263.

⁹ Чернышевский 1949а: 214.

нин» была опубликована статья под названием «Образчик модной критики», в которой автор перевода пишет:

Статья От. Зап. заинтересовала меня: она обещала нечто подробное. Моему Рассуждению посвящено 28 страниц. И действительно, статья От. Зап. заслуживает (с некоторой стороны) внимания: она лучше многих характеризует то, что у нас теперь часто слывет под именем ученой критики. В ней, как и во многих так называемых критических статьях и посторонних разглагольствований достаточно (если же собрать всё, что сказано собственно о моей книге, то едва ли выйдет полторы страницы), и разных намеков, для немногих понятных, довольно, и ученой важности изобильно. Словом, всё есть, кроме дела. ... Уж читал ли полно рецензент От. Зап. мою книгу? Нет, не читал! Это по всему видно. Может быть, перелистывал, но читать не читал¹⁰.

Основанием для такого вывода является, в частности, указание на пренебрежение доводами автора перевода и комментариев, обосновывающими передачу названия переведенного на русский язык сочинения:

Если бы он ее читал, то не сказал бы (стр. 23), что перевод заглавия Аристотелева сочинения: «О поэтическом искусстве», более верен, чем предлагаемый мною: «О поэзии». У меня (стр. 41–44) подробно доказывается, что заглавие Аристотелева сочинения нужно переводить: «Об искусстве творить»; а чем отличается искусство творить от поэтического искусства?¹¹.

Возмущение Ордынского — не просто реакция на ряд замечаний оценочного свойства — в его ответе на критику усматриваются основания теоретические, так как, переводя греческий текст, объясняя его, он ставил перед собой задачу «установить текст и объяснить прямой смысл Пиитики»¹². Название сочинения — ключ к пониманию¹³, а язык перевода (его Чернышевский счел неудач-

¹⁰ Ордынский 1855а: 143–145

¹¹ Ордынский 1855а: 145.

¹² Ордынский 1854: iii.

¹³ Аристотелевское сочинение, очевидно, получило свое название по первым словам дошедшего до нас текста: Περὶ ποιητικῆς (1447a8).

ным, не способствующим пониманию текста читателем), по мысли Ордынского, вполне отражает язык оригинала, который представляет собой лишь набросок, но не законченное и отредактированное сочинение. Называя в своих комментариях аристотелевский текст «Пиитикой», он, однако, признает:

заглавие Аристотелева сочинения обыкновенно переводится неточно («Пиитика...») и не отвечает греческому Περὶ ποιητικῆς. Слово ποιητικῆ едва ли имело то значение, которое мы даем «пиитике», то есть науке о поэзии, теории поэзии; по крайней мере ни в настоящем сочинении Аристотеля, ни у Платона оно его не имеет. Как ποιητικός назывался способный творить и часто значит почти то же, что ποιητής, творец, поэт: так и ποιητικῆ у Аристотеля значит искусство творить, творчество; иногда то же, что поэзия¹⁴.

Стало быть, Ордынский видит в аристотелевском тексте свод правил, пособие для поэтов: «Пиитика есть скорее руководство, чем теория поэзии»¹⁵.

Чернышевский же видит в сочинении Аристотеля нечто большее, чем учебное пособие для желающих сочинить хорошую трагедию¹⁶, а именно теорию поэзии.

На статью автора перевода Чернышевский отозвался небольшим текстом¹⁷, напечатанным в № 4 журнала «Отечественные записки» за 1855 г.:

Не было бы в наших журналах за прошедший месяц ничего нового по части учености, если б г. Ордынский не вздумал напечатать в «Москвитянине» очень горячую реплику на отзыв, сделанный нами в прошедшем году («Отечеств. зап.» 1854, № 9-й,

¹⁴ Ордынский 1854: 41.

¹⁵ Ордынский 1854: 132.

¹⁶ Что вполне согласуется с аристотелевским текстом, в котором ποιητικῆ αὐτή (само искусство поэзии, искусство поэзии как оно есть) отчетливо обособлено от τῶν εἰδῶν αὐτῆς (его видов) и πῶς δεῖ συνίστασθαι τοὺς μύθους (того, как следует слагать сказания) (1447a8–10).

¹⁷ Причем отвечает Чернышевский *между прочим*: ответ на отклик Ордынского включен в обзор «ученых статей в журналах».

сентябрь) об «Аристотелевой Пиитике», переведенной и объясненной им, г. Ордынским. В этом отзыве мы отдавали должную справедливость трудолюбию г. Ордынского: он называет это комплиментом и сердится за комплимент; мы говорили также, что г. Ордынский сделал удачный выбор, взяв предметом своего рассуждения такое важное сочинение, как Аристотелева Пиитика, и это кажется г-ну Ордынскому комплиментом... Но мы остаемся при прежнем мнении, что г. Ордынский трудолюбивый человек, хотя ему самому и угодно не признавать справедливости такого о нем отзыва. Кроме того, он говорит, что, относительно вопроса, в каком виде дошел до нас текст аристотелевой пиитики, разделяет общее мнение ученых, что этот текст — отрывок чернового эскиза, страждущий неисправностями всякого рода. Если так, значит г. Ордынский принял нынче мнение, которое старались защищать и мы *против* его рассуждения, доказывавшего, что пиитика — сочинение полное, оконченное, дошедшее до нас в целости, а не отрывок чернового эскиза; в таком случае его нынешнее мнение основательно, и мы этому очень рады. Наконец, он уверяет будто бы сделал свой перевод хорошим языком: читатели «Отеч. Записок» очень легко могут решить, хорош ли язык перевода, когда потрудятся прочитать выписки из него, представленные в нашем разборе: если они найдут, что перевод г. Ордынского написан хорошим языком, мы опять будем очень рады, хотя не надеемся иметь это удовольствие. Наконец, г. Ордынский утверждает, будто бы рецензент не читал его книги. С прискорбием должны мы сказать, что читали и перечитывали ее три раза, стараясь отыскать в ней все малейшие достоинства; это прилежание было вознаграждено успехом: мы убедились, что комментарий составлен старательно, хотя и в защиту неосновательного мнения. Если г. Ордынскому так важно знать, читали ли мы и сколько именно раз читали его книгу, он может удостовериться в этом самым положительным образом: мы готовы передать ему наш экземпляр этой книги; пусть он отдаст его на суд людей, занимающихся сличением почерков — они удостоверят г. Ордынского, действительно ли нашею рукою сделаны замечания на полях его книги; потом г. Ордынский передаст этот экземпляр в руки химиков, и они решат, действительно ли замечания эти писа-

ны семь месяцев назад и писаны разными чернилами, и сколько раз принимались мы делать эти замечания¹⁸.

Для полноты картины добавим ответ переводчика «Образчик модной рекритики» в «Москвитяине» (1855. Т. 3. № 9)¹⁹:

В № 4-м Отеч. Записок появился ответ на отзыв мой во 2-м № Москвитянина о статье О. Зап., написанной по поводу моего рассуждения о *Пиитике* Аристотеля. Этот ответ удивил меня не менее прошлогодней статьи. Там говорится, что я «уверяю, будто бы я сделал свой переводе хорошим языком»; далее, что я теперь «разделяю общее (?) мнение ученых, что текст Аристотелевой *Пиитики* — отрывок черногого эскиза, страждущий неисправностями всякого рода; если так, продолжает рецензент О. З., значит, г. Ордынский принял нынче мнение, которое старались защищать (*чем это?...*) и мы *против* (*курсив* О. З.) его рассуждения, доказывавшего, что *Пиитика* — сочинение полное, оконченное, дошедшее до нас в целости, а не отрывок черногого эскиза». Ничего похожего нет ни в книге моей, ни в статье № 2 Москвитянина! О переводе своем вот что я говорю в статье:

Пиитику Аристотеля называет рецензент «отрывочным сокращением или черновым эскизом, в котором текст довольно сильно искажен». Положим, что и так. Но кому неизвестно, как пишутся отрывочные сокращения, черновые эскизы? Кому неизвестно, что пишущие их всего меньше заботятся об изяществе? Я перевел такой эскиз, такое сокращение (я почти согласен называть так *Пиитику*), и рецензент О. З. упрекает меня в неизяществе перевода!... Хотя бы он вспомнил, что и другие переводчики, даже французские, переводя этот эскиз, это сокращение, об изяществе не заботились и предваряли об этом читателей. Хотя бы он вспомнил, что я говорю в своем предисловии!

Где же я *уверяю*, что перевод мой сделан хорошим языком? Из чего же видно, что я принял мнение рецензента? Не из того ли, что я *почти* согласен называть *Пиитику* черновым эскизом *или* отрывочным сокращением? Но рецензент О. З. не только мои слова искажает, но даже свои собственные: прежде он называл *Пиитику* отрывочным сокращением *или* черновым эскизом (какое-нибудь

¹⁸ Чернышевский 1949b: 289–290.

¹⁹ На этом обмен любезностями в печати закончился.

из этих двух предположений еще можно принять, хоть с большими ограничениями; да я ни прежде, ни теперь не считаю этого вопроса важным и в рассуждении моем *нарочно обошел его*, держась *общего* мнения, мнения, которого держатся Лессинг, Герман, Гартунг, Еггер, Дюнцер и наконец у нас С.П. Шевырев); а теперь — отрывком из черновато эскиза!... То ли это?

Истинно сожалею, что я вступил в полемику с таким противником. Он называет мой ответ во 2 № Москвитянина «очень горячей репликою». Уверяю его, что пером моим водила не горячность, не раздражение, а совсем другое, очень холодное, чувство.... Писал я не «о самом себе», заступался не за себя, а за бедный здравый смысл, который так терзают многие наши рецензенты. Собственно для меня обидного в статье О. З. ничего не было, но потому-то именно я и отвечал на нее. Повторяю, рецензией О. З. не я обижен, а здравый смысл, истина, наука, литература²⁰.

Конечно, в этой переписке много личного, много эмоций, но всё же обнаруживается и существенное: во-первых, рецензия Чернышевского на перевод — первый (sic!) на русском языке — «Поэтики» Аристотеля была едва ли не единственной²¹; во-вторых, камнем преткновения (точнее — двумя) стал перевод названия и язык перевода. Начнем с языка. Рецензент «упрекает» переводчика в том, что язык перевода неудачен: он труден для восприятия читателем. Ордынский парирует: сочинение дошло до нас в неотредактированном виде. Перевод названия должен (полемика по этому поводу между Ордынским и Чернышевским — тому свидетельство) указывать на смысл произведения. «Пиитика» Аристотеля или «О поэзии», как предлагает переводить Ордынский²², представляет правила поэтического дела²³, Черны-

²⁰ Ордынский 1855b: 150–151.

²¹ Следов других обнаружить не удалось. Интерес к этому переводу как явлению важен уже сам по себе.

²² Он полагает, что трактат должен был бы называться *Περὶ ποιήσεως*, то есть о *принципах* и *правилах* творчества (Ордынский 1854: 48).

²³ Ажитация, с которой автор перевода в полемике с Чернышевским отстаивает свой вариант названия, а стало быть, и свое понимание аристотелевского сочинения, свидетельствует о том, что для него это принципиально.

шевский видит в этом произведении представление самой природы *поэсиса*.

Тем не менее он задает вопрос: «Но точно ли его выбор удачен?»²⁴. Вопрос спровоцирован положением дел в науке об искусстве и поэзии, в частности — как оно виделось Чернышевскому. Это положение дел не удовлетворяло автора критического эссе, который и в своих оригинальных теоретических работах предпринимал попытки обосновать эстетику на основаниях современного ему формирующегося позитивизма²⁵.

Понимая эстетику как «систему общих принципов искусства вообще и поэзии в особенности»²⁶, он не соглашается ни с принципами кантовской эстетики (она представляется ему слишком спекулятивной), ни с практикой истории литературы — дескриптивной эстетикой, описывающей внешние стороны произведения искусства, словесного искусства в частности. Так понимаемая эстетика (как в смысле Канта, так и в смысле описательного литературоведения), естественно, по мнению Чернышевского, вызывает подозрение в ее легитимности как науки.

Ключевым понятием в представлении Чернышевского является понятие *факта*. В интеллектуальном контексте второй половины XIX века интерес к факту — общее место. Вопрос в том (и анализ этого концепта может представить актуальным в свете современной теории эстетическую позицию Чернышевского), что такое *факт*, какова его *природа*.

Важным — и актуальным в наше время — является тезис Чернышевского, который представляет собой своего рода *circus hermeneuticus*:

Словом: нам кажется, что весь спор против эстетики основывается на недоразумении, на ошибочности понятий о том, что такое эстетика и что такое всякая теоретическая наука вообще. История

²⁴ Чернышевский 1949а: 263.

²⁵ Диссертация на тему «Эстетические отношения искусства к действительности» была защищена Чернышевским в 1855 году.

²⁶ Чернышевский 1949а: 263.

искусства служит основанием теории искусства, потом теория искусства помогает более совершенной, более полной обработке истории его; лучшая обработка истории послужит дальнейшему совершенствованию теории, и так далее, до бесконечности будет продолжаться это взаимодействие²⁷ на обоюдную пользу истории и теории, пока люди будут изучать факты и делать из них выводы, а не обратятся в ходячие хронологические таблицы и библиографические реестры, лишенные потребности мыслить и способности соображать. *Без истории предмета нет теории предмета; но и без теории предмета нет даже мысли о его истории, потому что нет понятия о предмете, его значении и границах*²⁸.

Перевод Ордынского оживил дискуссии о природе эстетики, хотя «Поэтика» Аристотеля в оригинальном смысле слова к эстетике отношения не имеет²⁹. Чернышевский увидел в «Поэтике» Аристотеля пример, лучше сказать — прецедент, систематизации знания об искусстве, в узком смысле — искусстве поэзии. При этом обсуждение теории Аристотеля не остается без сопоставления ее с теорией Платона. Тут Чернышевский вполне традиционен: ведь сложилась уже традиция (и в отечественной культуре) рассматривать Учителя и Ученика вместе как антиподов:

И лучший пример того, какое важное условие для плодотворности мыслей система, представляет нам «Пиитика», или, как называет ее г. Ордынский, «Сочинение Аристотеля о поэзии». Аристотель первый изложил в самостоятельной системе эстетические понятия, и его понятия господствовали с лишком 2000 лет; а у Платона больше, нежели у него, найдется истинно великих мыслей об искусстве; может даже его теория не только глубже, но и полнее аристотелевой, но она не облечена в систему и до новейшего времени не обращала на себя почти никакого внимания³⁰.

Глубине платоновских мыслей противопоставляет Чернышевский «систематичность» Аристотеля:

²⁷ Курсив здесь и далее наш — Е.А., С.К.

²⁸ Чернышевский 1949а: 265–266.

²⁹ Эстетика в греческом смысле слова — αἴσθησις — чувственное восприятие.

³⁰ Чернышевский 1949а: 266–267.

Систематичность науки не представляет препятствий к ее развитию. ... не приведенными в одно стройное целое истинами неудобно пользоваться: кто составил систему науки, тот один сделал науку общедоступною, и его понятия разольются в массу, хотя бы у других были понятия гораздо глубже, нежели у него; что не формулировано, то остается бездейственным³¹.

Следуя духу своего времени, Чернышевский признает за Аристотелем систематичность, а значит — научность, за Платоном — гражданственность:

Поэзия есть подражание, говорит Аристотель; следовательно, трагедия есть подражание действиям великих людей, комедия — подражание действиям низких людей; других выводов не найдем у него. Платон, напротив, извлекает из своего понятия об искусстве живые, блестящие, глубокомысленные заключения; опираясь на свою аксиому, он определяет значение искусства в жизни человеческой, его отношения к другим направлениям деятельности; вооружаясь ею, Платон уличает искусство в бедности, слабости, бесполезности, ничтожестве. Его сарказмы жестоки и метки, может быть, односторонни, особенно для нашего времени, но во многом справедливы и благородны при всей своей односторонности. ... Платона многие считают каким-то греческим романтиком, вздыхающим о неведомом и туманном, чудном и прекрасном крае, стремящимся «туда, туда» (*dahin, dahin*), неизвестно куда, только далеко, далеко от людей и земли... Платон был вовсе не таков. ... он не был праздным мечтателем, думал не о звездных мирах, а о земле, не о призраках, а о человеке. И прежде всего Платон думал о том, что человек должен быть гражданином государства, не мечтать о ненужных для государства вещах, а *жить* благородно и деятельно, содействуя материальному и нравственному благосостоянию своих сограждан. Благородная, но не мечтательная, не умозрительная (как для Аристотеля), а деятельная, практическая жизнь была для него идеалом человеческой жизни. Не с ученой или артистической, а с общественной и нравственной точки смотрел он на науку и на искусство, как и на всё. Не человек живет для того, чтоб быть артистом

³¹ Чернышевский 1949а: 266.

или ученым (как думали многие великие философы, между прочим, Аристотель), а наука и искусство должны служить для блага человека. После этого понятно, как Платон должен был смотреть на искусство, которое, большей частью, служит (должно ли служить, это — другой вопрос), а во время Платона почти исключительно служило прекрасною, с тем вместе, чрезвычайно дорогою и, может быть, очень благородною забавою, но всё-таки забавою для людей, которым нечего делать, кроме того, как любоваться на более или менее сладострастные картины и статуи да упиваться мелодиею более или менее сладострастных стихов. «Искусство — забава»: этим решено для Платона всё³².

Впрочем, Чернышевский, рассматривая взгляды двух великих представителей античной мысли, видит их, скорее, как дополняющие друг друга эстетические позиции. И если Платон значителен с точки зрения содержания своего учения, то Аристотель важен своей формальной строгостью³³, что, по мнению критика, может весьма способствовать становлению эстетики как науки.

Кажется, что Чернышевский склоняется к Платону. Вопрос только — к какому Платону: Платону сформировавшейся к его времени традиции? Ответ, видимо, — да. Но это лишь на первый взгляд: колебание Чернышевского между *содержательностью* Платона и *формализмом* Аристотеля не может скрыться от внимательного читателя.

³² Чернышевский 1949а: 268–269.

³³ Хотя Чернышевский и находит в «Поэтике» «односторонность некоторых положений, мелочность многих фактов и выводов, ... преобладание формализма над живым учением о прекрасном в поэзии» (Чернышевский 1949а: 284).

Литература

- Нилова, Ю.А. (2021), «Поэтика» Аристотеля в русских переводах», *Проблемы исторической поэтики* 19.4: 7–39.
- Нилова, А.Ю. (2023), «Первый русский перевод «Поэтики» Аристотеля», in Т.А. Шарыпина, М.К. Меньщикова (ред.), *Диалог с античностью в междисциплинарном контексте*, 206–212. Нижний Новгород: Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского.
- Ордынский, Б.И. (1854), *О поэзии. Сочинение Аристотеля. Перевел, изложил и объяснил Б. Ордынский*. М.: Типография В. Готье.
- Ордынский, Б.И. (1855a), «Образчик модной критики», *Москвитянин* 1.2: 143–146.
- Ордынский, Б.И. (1855b), «Образчик модной рекритики», *Москвитянин* 3.9: 150–151.
- Чернышевский, Н.Г. (1854), «О поэзии. Сочинение Аристотеля. Перевел, изложил и объяснил Б. Ордынский. Москва. 1854», *Отечественные записки* 96.9: 1–28.
- Чернышевский, Н.Г. (1949a), «О поэзии. Сочинение Аристотеля. Перевел, изложил и объяснил Б. Ордынский. Москва. 1854», in В.Я. Кирпотин, Б.П. Козьмин et al. (ред.), *Н.Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений в 15 томах*, 2.263–288. М.: Государственное издательство художественной литературы.
- Чернышевский, Н.Г. (1949b), «Отзыв г. Ордынского о самом себе и о нашем разборе его книги», in В.Я. Кирпотин, Б.П. Козьмин et al. (ред.), *Н.Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений в 15 томах*, 2.289–290. М.: Государственное издательство художественной литературы.
- Чернышевский, Н.Г. (1949c), «Родным. 21 сентября 1853», in В.Я. Кирпотин, Б.П. Козьмин et al. (ред.), *Н.Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений в 15 томах*, 14.242–243. М.: Государственное издательство художественной литературы.
- Nilova, Yu. (2021), «Russian Translations of Aristotle's *Poetics*», *The Problems of Historical Poetics* 19.4: 7–39. (In Russian.)
- Nilova, Yu. (2023), «The First Russian Translation of Aristotle's *Poetics*», in Т.А. Sharypina, М.К. Menshchikova (eds.), *The Dialog with Antiquity in the Interdisciplinary Context*, 206–212. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod. (In Russian.)